

Sagrekow

вернулся

nach Russland

Газета — 20.4.4 мая с. 13.

Лет через двадцать выйду на пенсию и стану ходить только на хорошие выставки. Потому что — нервы же не железные. И глаза можно испортить, если регулярно толочься на вернисажах, решающих какие угодно задачи, кроме художественных. Жанр этот, вопреки ожиданиям, не умирает. Напротив, чем дальше мы уходим, как нам наивно кажется, в направлении пресловутого «цивилизowanego общества», тем подобные проявления становятся интенсивнее. Примеров масса: от экспозиций, знаменующих светлое будущее столицы и прекрасно годящихся для налаживания отношений с московскими властями, до показов, преследующих сугубо корпоративные интересы. С другой стороны, ничто так не провоцирует яростное писание, как подобные «факты художественной жизни». Кажется, мой лучший арт-критический текст был создан по поводу, имеющему весьма косвенное отношение к высокому искусству. Это случилось, когда одна винная компания учинила в Инженерном корпусе Третьяковки — разумеется, с позволения музейной администрации — довольно алкоголический Праздник урожая. А в нынешнем мае там же произошел случай внешне совершенно другой, но внутренне чем-то схожий. Это я о выставке «Николай Загреков. 1897—1992. Возвращение в Россию».

Вдумчивая работа над музейным выставочным проектом неизбежно требует продолжительного времени. Иногда — слишком продолжительного, как это случилось с «Искусством офорта», задуманным отделом графики Пушкинского музея в год Олимпиады-80, а реализованным только минувшей осенью. Да и Третьяковская галерея часто не блещет оперативностью. Недавняя выставка Юрия Злотникова, например, анонсировалась буквально десятилетиями. А на прилавках книжных магазинов давно можно найти альбом художника Евгения Расторгуева с музейным грифом на титуле, изданный к так и не состоявшейся юбилейной «персоналке». Тем большее внимание привлекла к себе экспозиция, ворвавшаяся в долгосрочные планы ГТГ «с морозу, раскрасневшаяся». Заранее интриговало полное отсутствие энтузиазма со стороны музейных отделов, по долгу службы призванных заниматься станковым искусством XX века. А также фамилия-имя-отчество представителя большой металлургической компании, указанные в каталоге после слова «куратор». Согласитесь, если главный национальный музей поручает обустройство своей выставки человеку со стороны, это должен быть очень хороший специалист. Такой, каких нет в этом музее.

Увы, выставка Загрекова — всего лишь результат запутанных отношений галереи со спонсорами. Бюджетное финансирование не предполагает поддержки того объема выставочной работы, что необходимо музею для полноценного существования. Потому что, сколько ни относиться к ГТГ как к сокровищнице, полной устоявшихся художественных ценностей, в технологической цепочке искусствоведческой работы выставка часто равна публикации результатов фундаментального исследования. Но независимых денег нет, и вот уже музей попадает в силки прихотливых взаиморасчетов: мы вам деньги на каталог, допустим, научно значимого «Кубизма», а вы нам — тоже выставку и тоже музейный логотип на ее каталог, независимо от профессиональных достоинств предлагаемого для обозрения материала.

Справедливости ради стоит сказать, что биография Николая Загрекова действительно заслуживает внимания. Пожалуй даже, это самый любопытный экспонат выставки. Он родился в Саратове, в семье коллежского секретаря. В дни беспорядков 1905 года трагически погиб отец будущего художника, заступившийся на улице за евреев перед черносотенцами. В поисках доходного ремесла Николай поступил в реальное училище, но свернул на путь занятий художеством. В саратовском Независимом училище искусств его педагогом стал Александр Савинов, член Союза русских художников. В 1919-м обучение Загрекова продолжилось уже в московском Вхутемасе — у «валетов» Машкова и Кончаловского. Оно было недолгим: студент-художник женился и по приглашению родственников супруги, происходившей из поволжских немцев, отправился в Германию. Как впоследствии оказалось, навсегда.

Поначалу он подписывался как Nikolai Sagrekoff, потом — как Nikolaus Sagrekow. Собственно, выставка представляет творчество художника хоть и связанного по рождению с Россией, но десятилетиями существовавшего в контексте искусства Германии. Он был довольно востребованным портретистом, и именно рациональное понимание этого жанра позволило выжить даже в самые непростые годы — хотя с приходом нацистов к власти Загреков не мог претендовать на былую респектабельность своего положения в германском художественном сообществе. К тому же его уволили из училища, в котором он преподавал. Зато когда советские войска вошли в Берлин, советская комендатура обобновалась именно в доме Загрекова. Тогда же он получил заказ на портреты двенадцати советских маршалов, включая Жукова. Дальнейшая биография художника — путь официально признанного мастера к госзаказам вроде написанного в 1976 году портрета Вилли Брандта и многочисленных государственных наград, вплоть до высшей: Креста за заслуги перед страной.

Звучит это все увлекательно, а придешь на выставку — такая тоска. Больше всего язык живописи Николая Загрекова напоминает творчество тех советских художников, что хронологически расположились между сталинским официозом и хрущевской оттепелью. Так сказать, грубоватое предвесье «сурового стиля». Особые проблемы у мастера со звучанием красного цвета, обработкой живописной поверхности и с рисунком... Впрочем, кажется, куратор-наследник такими категориями не оперирует.